Ю Мэн пришёл в сознание лишь на следующий день.

Ожидаемо, никто так и не заметил его исчезновения.

Он постарался ослабить верёвки, но в процессе раны на теле снова открылись, и кровь испачкала и одежду, и пол.

Связанными руками Ю Мэн нащупал телефон, который выпал из кармана, когда его пинали похитители. С трудом дотянувшись до устройства неподалёку, он обнаружил, что оно всё ещё работает. Сначала он позвонил в полицию, затем вызвал скорую помощь, после чего погрузился в пяти- или шестиминутное молчание.

В этот момент он вдруг понял, что совершенно не знает, кому должен сделать этот частный звонок с просьбой о помощи.

В огромном Пекине не нашлось ни единого человека, которому можно было бы довериться.

Изнурённый голодом и холодом, в полубессознательном состоянии, Ю Мэн наконец набрал номер.

Гудки шли один за другим.

После третьего звонка вызов приняли.

На том конце провода молчали, ожидая, пока Ю Мэн заговорит первым. С момента их воссоединения два года назад между ними всегда сохранялся такой стиль общения: во всём инициативу проявлял только Ю Мэн.

— Жэнь Пэйянь.

Голос Ю Мэна был хриплым.

Жэнь Пэйянь замер:

— Что у тебя с голосом?

Ю Мэн не ответил. Его всё тело ломило, в голове шумело, при каждом слове в горле жгло, словно от огня, и ощущался ржавый привкус крови. Шум проливного барабанящего по железу дождя заглушал его дрожащее дыхание, и в динамике всё казалось невероятно громким.

Жэнь Пэйянь переспросил:

— Ты где?

На этот раз его голос прозвучал куда более встревоженно.

В темноте Ю Мэн беззвучно усмехнулся. С чего бы ему удостаиваться целых двух вопросов от собеседника, да ещё с таким мнимым беспокойством?

— Жэнь Пэйянь.

Ю Мэн снова тихо произнёс его имя.

По идее, следовало звать на помощь — в конце концов, даже попав в больницу, кому-то нужно быть в сознании, чтобы разобраться с горой бумаг и процедур. Но слова застряли на языке, и вдруг из глубины души поднялась неизъяснимая усталость, настолько глубокая, что казалось, будто душа покидает тело. В голове крутилась лишь одна мысль: пусть всё будет так.

Поэтому Ю Мэн выдержал паузу и произнёс тоном непринуждённой беседы между друзьями:

— Позавчера я опрокинул мольберт Ю Нина. Краска разлилась по полу, холст испачкался, родители очень разозлились.

Называть их папой и мамой он не хотел.

— Ю Мэн, — нахмурился Жэнь Пэйянь. — Не капризничай.

Капризничай?

Ю Мэн и подумать не мог, что это слово применимо к нему, особенно после смерти директора Юй и Дуань Ляна. Впрочем, его это уже не волновало, и он продолжил:

— Позавчера Ю Нин нарисовал тебя. И это был не Му Бомин.

Жэнь Пэйянь издал неопределённое «мгм», по его тону невозможно было понять эмоции.

Ю Мэн тихо спросил:

— Он нарисовал тебя, ты рад?

Жэнь Пэйянь промолчал.

Ю Мэн продолжал говорить, каждое слово давалось ему с трудом, дыхание было едва заметным, но в этих фразах сквозила крошечная, почти неуловимая мольба:

— Жэнь Пэйянь, если ты рад, можешь… можешь сказать мне, где находятся вещи Дуань Ляна?

Ю Мэн столько раз натыкался на глухую стену непонимания со стороны самых близких людей, что давно перестал цепляться за родительскую любовь. Он также смирился с тем, что после их встречи спустя столько лет Жэнь Пэйянь притворялся холодным и отстранённым, делая вид в любых обстоятельствах, будто они чужие люди. Забыл он и то, как в далёком детстве Му Бомин часто приносил ему маленькие пирожные самых разных вкусов и форм.

Теперь же, когда он действительно стоял на пороге смерти, Дуань Лян оставался его единственной привязанностью.

В отличие от Ю Нина, окружённого всеобщей любовью и нежностью, которого родители и друзья детства неизменно выбирали, в то время как сам он был лишним человеком, от которого все отворачивались.

Но ведь когда-то он был ребёнком директора Юй.

Любимым человеком Дуань Ляна.

Услышав имя Дуань Ляна, Жэнь Пэйянь наконец не выдержал и сбросил маску спокойствия, гневно выпалив:

— Ю Мэн, ты всё ещё думаешь о нём?!

Ю Мэн вдруг легко усмехнулся.

— Чего ты смеёшься? — спросил Жэнь Пэйянь.

На самом деле у Ю Мэна просто не осталось сил говорить, да и гнев Жэнь Пэйяня казался ему совершенно необоснованным, вот он и не удержался от смешка. Когда он только вернулся в семью Ю, сталкиваясь с такой ледяной враждебностью Жэнь Пэйяня, ему неизменно становилось горько от того, что тот забыл их взаимную поддержку в детском доме.

— Сяо Янь-гэ, — неожиданно сменил обращение Ю Мэн. — Ты помнишь, сколько лет мы знакомы?

Жэнь Пэйянь растерялся от этого почти забытого обращения.

Ю Мэн не называл его так уже больше года, хотя, когда они только воссоединились, он смотрел на него сияющими глазами и с огромной радостью и теплом кричал: Сяо Янь-гэ.

— …Помню, — ответил Жэнь Пэйянь. — Шестнадцать лет.

— Поздравляю, правильный ответ, — тихонько усмехнулся Ю Мэн, и голос его звучал едва слышно, словно нить. — Но, кажется, я умираю, и семнадцатого года у нас уже не будет.

Жэнь Пэйянь был старше Ю Мэна на два года.

Вскоре после рождения биологическая мать бросила его, оставив на оживленной улице свёрток, на котором были указаны лишь дата рождения и имя: Жэнь Пэйянь.

Именно директор Юй привёл его в детский дом.

Когда Жэнь Пэйяню исполнилось девять лет, в приют привезли худенького и истощённого мальчика. Лицо у ребёнка было желтоватым от недоедания, память повреждена, и он вздрагивал от любого малейшего шороха снаружи. Директор Юй потратил много времени, чтобы успокоить его.

Жэнь Пэйянь, бывший тогда ещё ребёнком, взял на себя заботу о Ю Мэне, оберегая его как родного младшего брата.

Каждую конфету, что давал директор Юй, Жэнь Пэйянь откладывал для Ю Мэна. Одежду и сладости, пожертвованные благотворителями, он тоже всегда сначала выбирал для него. Ю Мэн иногда смущался и отказывался от его заботы, но тогда Жэнь Пэйянь делал вид, что сердится, и спрашивал, неужели Мэнмэн не считает его старшим братом.

Так, под присмотром директора Юй и Жэнь Пэйяня, Ю Мэн постепенно окреп и поправился.

Он стал хвостиком Жэнь Пэйяня: они вместе лазали по деревьям, перелезали через стены, играли в вышибалы, подбирали сдутые мячи из мусорных баков и мастерили длинные мечи из сухих веток для своих детских грёз.

Пока Ю Мэну не исполнилось одиннадцать, а Жэнь Пэйяню — тринадцать, и в Чжанши не объявились люди из пекинского клана Жэнь.

Оказалось, что Жэнь Пэйянь — внебрачный сын семьи Жэнь.

В день, когда клан Жэнь забрал Жэнь Пэйяня, Ю Мэн бежал за их Порше целую улицу, горько рыдая и захлёбываясь слезами, крича: Сяо Янь-гэ, не уходи. В конце концов директор Юй увёл его обратно, утешая:

— Цзябао, не плачь. Разве твой брат Сяо Янь не говорил, что, как только устроится на новом месте, сразу вернётся за тобой?

Ю Мэн сквозь слёзы кивал.

Жэнь Пэйянь был первой, ещё смутной детской любовью Ю Мэна.

Но точно так же, как он не дождался семьи Ю, в последующие десять лет он не дождался и своего брата Сяо Яня.

Встреча годы спустя произошла на одном приёме два года назад.

Тогда Ю Мэн только что вернулся в семью Ю, и мать Ю наняла человека, который полмесяца обучал его этикету, чтобы он имел хоть какое-то представление о высшем обществе Пекина. Спустя полмесяца отец Ю впервые взял Ю Мэна на светский банкет, чтобы тот воочию увидел мир роскоши и безудержного веселья.

Высшее пекинское общество славилось своим богатством, в банкетном зале блистало золотом убранство, сновали нарядные дамы и элегантные господа, и Ю Мэн неизбежно чувствовал некоторую скованность.

Что резко контрастировало с Ю Нином, стоявáвшим рядом.

Со слов родителей Ю, в то время Ю Мэн пропал без вести, и они пережили страшные муки, поэтому, встретив ровесника Ю Нина, прониклись к нему жалостью и удочерили… то есть усыновили.

С тех пор как Ю Нина приняли в семью Ю, все эти годы его оберегали наилучшим образом.

Усвоив горький урок с похищением Ю Мэна, родители Ю до совершеннолетия Ю Нина окружали его практически удушающей заботой, повсюду за ним следовали люди и поощрялись любые его увлечения. Став взрослым, Ю Нин уехал за границу изучать живопись, а приемные родители, тоскуя по нему, просили Му Бомина во время его командировок в Великобританию заглядывать в колледж к юноше и приглядывать за ним.

Ю Нин вырос в изобилии, получая самое элитное образование, и давно привык к подобным мероприятиям.

Он с улыбкой сказал Ю Мэну:

— Младший брат, не нервничай, ты впервые на таком приеме, ничего страшного, если сделаешь что-то неловко.

С тех пор как Ю Мэн вернулся, Ю Нин повторял это каждый день.

— Младший брат, ты настрадался на чужбине, наверняка никогда не пробовал такого стейка, мама приготовила его специально для тебя.

— Младший брат, у тебя есть любимые музыкальные инструменты? Я сейчас учусь рисовать, а на фортепиано, скрипке и аккордеоне, на которых играл в детстве, времени больше нет, они просто стоят без дела, я могу отдать их тебе.

— Младший брат, эта машина стоит больше шести миллионов, а ты только что поцарапал краску… О, прости, я не упрекаю тебя, в нашей семье хватает денег. Я просто хотел напомнить: раз уж ты теперь не в детском доме, лучше избавиться от прежних грубых привычек, так мама будет спокойнее.

— Младший брат, папа хочет взять тебя на банкет через полмесяца, давай я отведу тебя сшить пару костюмов? Мне-то не нужно, у меня одежда девать некуда, еще несколько пошитых на заказ даже не привезли, надену любое.

—…

Стоило Ю Нину закончить, родители Ю смотрели на него с умилением.

Но когда их взгляды переводились на Ю Мэна, лица их неизменно выражали досаду или раздражение. Хотя краску на машине Ю Мэн задел вовсе не по своей вине, а потому, что его толкнул спешивший выйти Ю Нин, и как ни крути, к грубым манерам это не имело никакого отношения.

Ю Мэн с детства отличался умом, прекрасно учился и обладал привлекательной внешностью, никогда не чувствуя себя ущербным из-за своего положения.

В средних классах школы он получал стипендию от благотворительного фонда, а затем с блестящими результатами поступил в лучший университет Пекина, став в тот год лучшим учеником провинции. За прошедшие годы кто-то, узнав о его сиротском прошлом, порой и выказывал жалость, но чаще звучали лишь похвалы.

Как это ни смешно.

Впервые столкнуться с разочарованием и раздражением Ю Мэну довелось со стороны собственных биологических родителей.

Но в те дни он всё ещё питаил иллюзии в отношении родных отца и матери, а потому ко всему, чему они хотели его научить, и ко всем мероприятиям, куда они звали его присоединиться, относился с предельной серьёзностью.

Банкетный зал был полон людей, и стоило кому-то подойти поздороваться, как отец Ю тут же пользовался случаем представить Ю Мэна, заявляя, что тот — их младший господин, который долгое время жил вдали от дома и только недавно вернулся в семью. Ю Нин тоже время от времени вставлял слово, ведя себя подчеркнуто тепло и представляя младшего брата знакомым старшим и сверстникам, чтобы подчеркнуть их необыкновенно близкие отношения.

http://bllate.org/book/32905/4029348